

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

Петер Тирген

“ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА”
Н.С. ЛЕСКОВА И “ЗЛАЯ ВОЛЯ” А. ШОПЕНГАУЭРА
Otto-Friedrich Universitaet Bamberg
(Перевод О.Б. Лебедевой)

I. Предварительные замечания и тезис

Повесть Н.С. Лескова, при первой ее публикации подписанная псевдонимом “М. Стебницкий” и сопровождаемая жанровым подзаголовком “очерк”, увидела свет в 1865 г., в январском номере журнала братьев Достоевских “Эпоха” под названием “Леди Макбет нашего уезда”¹. Эту первую редакцию Лесков впоследствии неоднократно перерабатывал, причем объем авторских дополнений в совокупности достигает четырех-пяти печатных страниц. Переработки не касаются основного сюжетного пласта текста, однако они существенно распространяют диалогические фрагменты повести и дополняют авторское повествование в той его части, которая связана с прямыми и косвенными характеристиками персонажей, а также заметно углубляют авторский комментарий событий. При этом некоторые варианты правки имеют тавтологический или прямолинейно-уточняющий характер, в результате чего первая редакция повести не только оказывается более компактной, но и представляется обладающей более сильным эмоциональным воздействием, нежели ее дефинитивный текст. Однако отказ от печатания вариантов повести в современной эдиционной практике публикации текстов Лескова делает невозможным анализ ее творческой истории в том, что касается конкретно истории ее текста².

Повесть Лескова “Леди Макбет Мценского уезда” является ныне “<...> одним из самых популярных произведений русской классики”³. Славе повести во многом способствовала популяризация ее сюжета интермедияльными интерпретациями: это, несомненно, опера Шостаковича (премьера 1934 г.), а также многочисленные театральные

¹ Эпоха. 1865. № 1. С. 39–80.

² К сожалению, это относится и к наиболее авторитетному изданию Лескова (Полн. собр. соч.: В 30 т.), в 5-м томе которого (М., 1998) напечатана повесть “Леди Макбет Мценского уезда” (С. 7–49 текст, с. 691–696 комментарий).

³ Аннинский Л. Лесковское ожерелье. М., 1982. С. 86.

⁴ См.: Там же. С. 59–92. См. также: *Fuchs M.* “Ledi Makbet Mcenskogo uezda”: Vergleichende Analyse der Erzählung N.S. Leskovs und der gleichnamige Oper

постановки и экранизации⁴. Однако же запоздалая слава “Леди Макбет...” не может отменить того обстоятельства, что со времени своего появления в 1865 г. повесть Лескова в течение нескольких десятилетий была обречена на гробовое молчание критики. За исключением отдельных частных высказываний (например, отзыв Салтыкова-Щедрина), литературная критика дружно игнорировала повесть Лескова. Такое всеобщее помрачение умов до сих пор является своего рода литературоведческой загадкой, и Лев Аннинский констатирует этот факт буквально следующим образом: “К Лескову ключей не нашлось”¹. Отчасти это положение вещей способно объяснить “чудовищная идеологизация” литературоведения советских времен, от которой наука о Лескове пострадала особенно сильно². Но нельзя забывать, что при этом имеются и серьезные научные исследования повести Лескова, в том числе такие, в которых повесть рассматривается в сравнении с текстами Шекспира, Островского и произведениями русского фольклора. Среди этих серьезных исследований, на мой взгляд, наиболее плодотворным подходом и поистине экзистенциальным смыслом обладает опубликованный в 1982 г. исследовательский этюд Бодо Зелинского³. Данная статья представляет собой дополнение и углубление основных положений этого этюда: предлагаемый мною тезис заключается в том, что, вопреки утверждению Аннинского, “ключ” к повести Лескова отыскать довольно легко, если обратиться к труду Артура Шопенгауэра “Метафизика половой любви”, который, по-моему, и является “ключевым текстом” для понимания повести Лескова.

II. Шопенгауэр в России и во Франции

Влияние Шопенгауэра на русскую эстетическую и общественную мысль неоднократно засвидетельствовано, но совершенно недостаточно исследовано в русской литературоведческой науке. Тем не ме-

---

D.D. Shostakovichs. Heidelberg, 1992; *Wachtel A.* The Adventures of a Leskov Story in Soviet Russia <...> // *O Rus! Studia litteraria slavica in honorem Hugh McLean.* Berkeley 1995; *Veldhues Chr.* Intertextuelle Annaeherungen an Leskovs “Ledi Makbet Mzenskogo uezda” // *Zeitschrift fuer Slawistik* 41 (1996); *Menzel B.* Leskovs Erzählung “Lady Macbeth des Mzensker Kreises” und ihre intermedialen Verarbeitungen // *Erzählen in Russland.* Frankfurt a.M.; Berlin, Bern, 2000.

¹ Аннинский Л. Указ. соч. С. 87 и след.

² Маслова М.И. Любовь созидаящая и любовь разрушающая в ранних произведениях Н.С. Лескова. // *Русская литература.* 2002. № 4. С. 153.

³ *Zelinsky B.* Leskov: Die Lady Macbeth aus dem Landkreis Mzensk // *Die Russische Novelle.* Hg. B. Zelinsky. Duesseldorf, 1982. S. 103-111, 307-308.

нее утверждение: “Как на Западе, так и у нас до сих пор не исследовано влияние Шопенгауэра на русскую философию и литературу”¹ следует считать ошибочным. Оно возникло только вследствие того, что западные публикации на эту тему не берутся в расчет даже тогда, когда есть их переводы на русский язык². Более современные издания Шопенгауэра в России и новейшая русскоязычная биография Шопенгауэра демонстрируют несколько большую библиографическую тщательность³.

Отдельные упоминания имени Шопенгауэра (1788–1860) в России начинают встречаться с 1840–1850 гг. (В.Ф. Одоевский, А. Герцен, П.Л. Лавров, Н.Г. Чернышевский, П.Д. Юркевич и др.), в следующие десятилетия оно становится практически всеобщим. Русские писатели, публицисты, теологи и философы живо интересуются его учением⁴. Его посмертная, почти эксплозивно возрастающая европейская слава действует подобно катализатору. В конце 1864 г. критик Варфоломей Зайцев (1842–1882) предварил свое обширное исследование о Шопенгауэре констатацией “европейской известности” философа. По мнению Зайцева, преодоление “гегелевщины” произошло не только благодаря современным “натуралистам” Вирхову, Бюхнеру, Фогту, Молешотту, но и в первую очередь благодаря “новейшей антропологии” Шопенгауэра, которая стала “блистательной, гениальной мыслью”⁵. На смену гегелевскому “мудрствованию” пришли естественные науки и “философия природы”, обратившие наше внимание на конкретные состояния человека, его ощущения и “внутренние

¹ Андреева И.С. Артур Шопенгауэр: жизнь и творчество. М., 2001. С. 2.

² См. об этом: *Турген П.* Шопенгауэр в России: Постановка проблемы // Общественная мысль: Исследования и публикации. Т. 3. М., 1993.

³ См.: *Гулыга А., Андреева И.* Шопенгауэр. М., 2003. (ЖЗЛ 1046). С. 360–365 (Библиография, № 88, 114, 141, частично с орфографическими ошибками).

⁴ Ср. до сих пор наиболее авторитетный труд: *McLaughlin S.* Schopenhauer in Russland. Zur litterarischen Rezeption bei Turgenev. Wiesbaden, 1984. См. также: Baer J.T. Arthur Schopenhauer und die russische Literatur des spaeten 19. und fruhen 20. Jahrhunderts. Muenchen, 1980; *Thiirgen P.* Probleme der russischen Schopenhauer-Rezeption // *Goettingische Gelehrte Anzeigen* 238 (1986); *Турген П.* Шопенгауэр в России. Постановка проблемы // *Общественная мысль. Исследования и публикации.* Т. III. М., 1993; *Межуев Б.В.* Шопенгауэр в России // *Русская философия: Малый энциклопедический словарь.* М., 1995. С. 599–603; *Трубникова Н.Н.* Об изданиях произведений А. Шопенгауэра в России // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1999–2001. Т. 6; *Гулыга А., Андреева И.* Указ. соч. С. 321–354.

⁵ *Зайцев В.А.* Последний философ-идеалист // *Русское слово*, 1864. № 12. С. 153–196 (цитированный текст: с. 153, 160, 175, 179, 196). О Зайцеве см.: *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 313–316. Известно, что Зайцев обучался медицине (не закончив образования) и был знаком с Лесковым.

процессы организма”. Особенно обстоятельно и в основном сочувственно Зайцев излагает ту часть учения Шопенгауэра, которая посвящена, по его выражению, “психологии страстей” и управляемому инстинктом “половому стремлению”. Одобрительно (хотя и не без оговорок) Зайцев относится к учению Шопенгауэра о воле, и даже смущающий русского критика “факирский пессимизм” Шопенгауэра воспринимается им как своего рода “<...> противоядие безнравственному гегелевскому оптимизму”¹. И поскольку Зайцев постоянно цитирует (приводя оригинальный текст в переводе на русский язык) “Мир как воля и представление” (а также “*Parerga und Paralipomena*”), совершенно очевидно, что он располагал соответствующими изданиями Шопенгауэра.

Статья Зайцева была отнюдь не первым вкладом журнала “Русское слово” в русскую шопенгауэриану. Уже в начале 1863 г. публицист Александр Гиероглифов (1825–1900) опубликовал в нем краткое изложение труда “Метафизика половой любви”, где он вполне сочувственно воспроизводит “глубокий анализ” и основные тезисы Шопенгауэра, видящего в любви “родотворный инстинкт”, “агенцию рода” и “закон природы”, которые ломают индивидуальную волю¹. В качестве первичного физического импульса этот инстинкт подчас способен довести отравленную им жертву до убийства или самоубийства. Чтобы подчеркнуть значимость учения Шопенгауэра, Гиероглифов сообщил своим читателям, что “Метафизика половой любви” уже переведена “на все европейские языки”³.

Это замечание должно было относиться прежде всего к французскому переводу, появившемуся на страницах парижского журнала “*Revue Germanique*” в 1861 г.⁴ Один из редакторов журнала, Шарль Дольфус (1827–1913), сопроводил публикацию коротким предисловием, в котором назвал учение Шопенгауэра “довольно экстравагантной доктриной”, трактующей о “несколько слишком деликатном предмете”. Впрочем, несмотря на то, что философ назван “мизантропом”, автор предисловия отдает должное его “проницательному пытливому

¹ Русское слово. 1864. № 12. С. 185.

² А. Гиероглифов. Любовь и нигилизм // Русское слово. 1863. № 1. С. 25–44, о Шопенгауэре: С. 32 и далее. О Гиероглифове см.: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 558–559.

³ Русское слово. 1863. № 1. С. 32.

⁴ *Métaphysique de l'Amour* // *Revue Germanique* 13 (1861). P. 243–272. См. также сообщение о смерти Шопенгауэра в *Revue Germanique*, № 12 за 1860 г., с. 232 и далее, где упомянута “Метафизика половой любви”.

⁵ *Revue Germanique*. № 13 (1861). P. 243.

уму”⁵. Необходимо отметить, что уже в 1859 г. в журнале “Revue Germanique” было опубликовано довольно объемное критическое изложение основ философии Шопенгауэра вкупе с фрагментарным переводом “Parerga und Paralipomena”¹. В целом публикации “Revue Germanique” отличаются “серьезным научным характером”². При этом упомянутый журнал был не первым и не единственным французским изданием, посвятившим свои страницы популяризации философии Шопенгауэра. Уже в 1850 г. путь к Шопенгауэру открыли “Revue des Deux Mondes” и “Journal des Débats”. До какой степени интерес русской словесности к Шопенгауэру был стимулирован французскими публикациями, продолжает оставаться не совсем ясным.

Резонанс, вызванный “Метафизикой половой любви” в Западной Европе, имел для России свои последствия. Весной 1864 г. в петербургской типографии Гогенфельден и К^о было напечатано именно это сочинение, ставшее первым переводом Шопенгауэра на русский язык. Перевод имел титул: “Метафизика любви. Соч. Шопенгауэра. Перевод с немецкого”, имя переводчика осталось неизвестным. Н.Н. Трубникова, впрочем, замечает: “Переводчик подписался инициалами “А. Г””³, которые могут означать: “Александр Гиероглифов”. Виньетка на титульном листе первого издания изображала крылатого амуроподобного ангелочка, парящего над цветами и держащего развевающуюся над ним гирлянду с повторным текстом заглавия “Метафизика любви”, причем конец этой гирлянды кокетливо прикрывал *tembrum virile* ангелочка. Этот фронтиспис представлял собою семиотический обманный маневр. С одной стороны, заглавие “Метафизика любви” намекало на идеалистически-неземные чувства, а с другой – изящно-кокетливая эмблематическая часть титула продуцировала вполне эпикурейские предварительные представления о содержании текста. В попытке ориентироваться на декоративность барочного ангелочка или на изящную игру рококо в своих представлениях о таком образом озаглавленном тексте неискушенный читатель, не знакомый с философией Шопенгауэра, и особенно с его учением о страстях и инстинктах,

¹ *Dollfus Ch.* Schopenhauer et sa philosophie // *Revue Germanique* 8 (1859). P. 367–394. Об интерпретации учения Шопенгауэра в *Revue Germanique* см.: *Stempel I.* Deutschland in der “Revue Germanique” von Dollfus und Nefftzer (1858–1865). Bonn, 1967. S. 128–133. О ранних фактах рецепции Шопенгауэра во Франции см.: *Baillot A.* Influence de la Philosophie de Schopenhauer en France (1860–1900). Paris, 1927.

² *Stempel I.* Op. cit. S. 19.

³ *Трубникова Н.Н.* Об издании произведений А. Шопенгауэра в России // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1999–2001. Т. 6. С. 329.

неизбежно оставался в дураках, и истинный текст, следующий за заглавием, погружал его в глубокий шок. Это амурное кокетство семидесятистраничной книжечки позабавило уже и авторов первых современных ей рецензий¹.

III. Теория “половой любви”

Безусловным отправным пунктом Шопенгауэра является утверждение о том, что “<...> без истины прекрасное в искусстве невозможно” (“<...> ohne Wahrheit kein Kunstschoenes sein kann”)². Соответственно, и вводная фраза “Метафизики половой любви” гласит: “Мы привыкли видеть, что поэты занимаются преимущественно изображением половой любви” (“Die Dichter ist man gewohnt hauptsachlich mit der Schilderung der Geschlechtsliebe beschaeftigt zu sehn”)³.

Свойственное Шопенгауэру радикализованное, укорененное прежде всего в телесно-физической сфере, понимание истины заставляет его говорить о проблеме половой любви, доселе неизвестной как таковая в истории философии, с той наглядностью, которая подчас достигает степени грубости. Уже сама натуралистическая острота понятия “половая любовь” (“**Geschlechtsliebe**”) очевидно побудила анонимного русского переводчика опустить сексуальный компонент сложносоставного немецкого термина, и вместо того, чтобы говорить о “метафизике половой любви”, как этого следовало бы ожидать, имея в виду формулировки оригинала, он предпочитает кажущееся вполне невинным выражение “метафизика любви”⁴. Кроме того, аноним сократил, эвфемистически умерил, смягчил в оглядке на бдительное око цензуры, перевел или очень свободно, или прямо-таки перифрастически многие фрагменты самого текста Шопенгауэра. Совершенно очевидно и то, что он имел под рукой французский перевод 1861 г., поскольку в тех местах, которые представляли для него особенную трудность, он приводит в скобках не только оригиналь-

¹ Ср.: Русское слово. 1864. № 5. С. 60 (“Эта маленькая книжка, одетая в щегольскую розовую обложку и украшенная разными купидонами <...>”). См. также: *McLaughlin*. Op. cit. P. 168 и далее.

² *Schopenhauer A.* Saemtliche Werke. Textkritisch bearb. u. hg. von Wolfgang Frhr. von Loehneysen. Bde 1–5, Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1968. Bd. 2. S. 679. (Примечание: Здесь и далее текст Шопенгауэра цитируется в моем подстрочном переводе с приведением текста оригинала в скобках. – *О.Л.*)

³ Там же.

⁴ Элиминация сексуального компонента, как это явствует из вышеприведенных фактов, имела место и во французском переводе, напечатанном в “*Revue Germanique*”.

ные немецкие соответствия русским формулировкам, но и варианты, предлагаемые во французском переводе текста Шопенгауэра. Кроме того, в русском переводе, так же как и во французском, оказались опущены высказывания Шопенгауэра о педерасти.

Несмотря на всю эту тактику *ad usum Delphini*, русский перевод все же предлагает такую неслыханно беспощадную интерпретацию существа и воздействия физической половой любви как морально-разрушительной и даже взрывной силы, которая позволяет предположить, что и цензор издания, по всей вероятности, старался при любом удобном случае обмануться его фронтисписом и лишь бегло просмотрел его текст. У Шопенгауэра – и, соответственно, в русском переводе – половая любовь представлена как страсть, наваждение (“призрак”=“Wahn”) или инстинкт, как безрассудный порыв, который повергает индивида в ослепление и низводит его до уровня голого орудия вышестоящей власти рода. Навязываемый силой природы сексуальный порыв к совокуплению не оставляет индивиду никаких других ролей, кроме как роль *instrumentum voluptatis*, или жертвы. Вместе с тем само это положение жертвы до некоторой степени извиняет виновного и даже может быть основанием для прощения. Человек предстает в одинаковой мере влекомым и влекущим (“*Getriebener wie als Treibender*”). Согласно Шопенгауэру, воля рода, или естественное желание, находит свое наиболее адекватное выражение в образе Купидона: “<...> несмотря на свою детскую наружность, бога враждебного, жестокого и из-за этого пользующегося дурной репутацией, капризного, деспотичного демона” (“<...> einem, seines kindischen Aussehens ungeachtet, feindseligen, grausamen und daher verschrieenen Gott, einem kapriziosen, despotischen Daemon”)¹. Именно этот Купидон, названный в русском переводе цитированного фрагмента “злым и жестоким ребенком” и, соответственно, “деспотическим демоном”, появляется на его титульной гравюре². Этот демон заставляет людей забывать всеобщие моральные и традиционные запреты. Лаконичная формулировка Шопенгауэра гласит: “Природа знает только физическое и не знает морального: между ней и моралью существует даже решительный антагонизм” (“*Die Natur kennt naemlich nur das Physische, nicht das Moralische: sogar ist zwischen ihr und der Moral entschiedener Antagonismus*”)³.

¹ *Schopenhauer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 713.

² Ср.: “<...> купидона, этого злого и жестокого ребенка, этого капризного и деспотического демона <...>”. – *Метафизика любви*. СПб., 1864. С. 60. Далее указания на страницы этого изд. приводятся в тексте, в скобках.

³ *Schopenhauer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 723. Источником этой цитаты является “Прибавление” к “Метафизике половой любви”, отсутствующее как во французском, так и в русском переводах.

Присущий половой любви родовой инстинкт, равно как и стремление к совокуплению, всецело завладевает индивидом, в то время как он, в свою очередь, будучи охвачен жадной сексуального наслаждения, низводит своего партнера до степени объекта обладания. Из потери всяческого морального контроля – что Шопенгауэр никогда не устаёт подчеркивать – следуют материальный и моральный упадок, бесчестие, нарушение супружеской верности, убийство и самоубийство, а временами даже двойное убийство и двойное самоубийство. Безумие страсти предстает “<...> как некий враждебный демон, который стремится все извратить, все запутать и опрокинуть” (“<...> als ein feindseliger Daemon, der alles zu verkehren, zu verwirren und umzuwerfen bemueht ist”)¹. Вольный русский перевод этого пассажа гласит: “Амур – это какое-то злое божество, которому хотелось бы разрушить целый мир, перевернуть все вверх дном” (С. 10).

Сексуальное желание в интерпретации Шопенгауэра – это буквально “<...> злая воля, и весь этот мир представляет собой ее проявление” (“<...> boeser Wille, dessen Erscheinung im Ganzen diese Welt ist”)². Весь опыт показывает, что люди за очень редким исключением суть не более чем “галерные рабы желания” (“Galeerensklaven des Willens”)³, того желания, которое таит в себе слепоту, атеизм, зверство, страсть к разрушению и саморазрушению. Его интенсивнейшим откровением становится, по Шопенгауэру, “наслаждение в половом акте” (“Wollust im Akt der Kopulation”), а гениталии он называет “непосредственным очагом возгорания воли” (“eigentliche Brennpunkt des Willens”)⁴. По выражению Рюдигера Сафрански, Шопенгауэр здесь предстает как человек, охваченный дионисийским ужасом. Согласно Шопенгауэру, характер человека в этом рабском существовании немолимо поработен неизбежному закону, а это значит, что в своем литературном воплощении характер может быть в лучшем случае раскрыт, но не может быть показан в эволюции.

По Шопенгауэру, страстное влечение к партнеру бывает изначально пробуждено очарованием физической привлекательности, которая становится катализатором вожделения. Ее притягательная сила про-

¹ Schopenhauer A. Op. cit. Bd. 2. С. 682.

² Schopenhauer A. Der handschriftliche Nachlass in fuenf Baenden. Hg. v. Arthur Huebscher. Muenchen, 1985. Bd. 1. S. 202. См. также: Safranski R. Schopenhauer und Die Wilden Jahre der Philosophie. Eine Biographie. Muenchen; Wien, 1987. S. 310 и след. (далее отсылки к этому изд. обозначаются: Safranski 1987); Safranski R. Das Boese oder das Drama der Freiheit. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1997. S. 98 (далее отсылки к этому изд. обозначаются: Safranski 1997).

³ Safranski 1987. S. 81.

⁴ Schopenhauer A. Der handschriftliche Nachlass. Bd. 3. S. 240; Saemtliche Werke. Bd. I. S. 452. См. также: Safranski 1987. S. 206 и след., 337 и след., 400.

является зачастую столь же ярко, сколь и внезапно, “с первого взгляда” (“beim ersten Anblick”). И следствием этой внезапности становится ослепление, заставляющее одержимого желанием человека закрывать глаза на “отталкивающие свойства” (“widerliche Eigenschaften”) в характере объекта его вождения¹. И если при этих условиях цель физического наслаждения воспрепятствована или не может быть достигнута вследствие сопротивления объекта, поработанный желанием субъект способен без размышлений и раскаяния покуситься на любое преступление – или впасть в безумие.

Лихорадка страсти пренебрегает всеми социальными и сословными различиями. Однако самым фатальным результатом является то, что даже удовлетворенная жажда наслаждения реально ведет не к счастью, но к отупению и пресыщению, и в конце концов между партнерами возникает кричащая дисгармония (“schreiende Disharmonie”). Сладострастие – самое преходящее и самое обманчивое из всех наслаждений, и в финале этого безумного наваждения (“Wahn” у Шопенгауэра, “призрак” в русском переводе), индивидуум становится “жертвой родового обмана” (“Betrogenen der Gattung”)². И для довершения размеров несчастья, по мысли Шопенгауэра, всей этой ситуацией правит “издевательская власть случая” (“hoehnende Herrschaft des Zufalls”), в результате чего “триумф зла” становится полным и совершенным³. Несмотря на то, что размышления о роли случая возникают лишь на периферийном плане текста “Метафизики половой любви”, они, как это будет видно в дальнейшем, имеют непосредственное отношение к теме исследования.

В начале своей работы я процитировал знаменитое изречение Шопенгауэра, касающееся преимущественного интереса поэтов к теме половой любви. Как видим, для Шопенгауэра половая любовь является силой столь же вездесущей и разрушительной, сколь экзистенциальной. Согласно с таким пониманием проблемы он приводит в своем трактате соответствующие примеры и многократно подчеркивает: страстная любовь составляет “предмет, достойный поэзии” (“ein wuerdiger Gegenstand der Dichtung”), вследствие чего она (страстная любовь) приобретает “оттенок возвышенности” (“ein Anstrich des Erhabenen”)⁴. Шекспир принадлежит к цитируемым Шопенгауэром авторам. Таким образом, мы подходим к основной части статьи и Лескову.

¹ Schopenhauer A. Saemtliche Werke. Bd. 2. S. 685 и след., 706, 711.

² Ср.: Там же. S. 691–710. (Все мои формулировки соответствуют оригинальному тексту “Метафизики половой любви”; в буквальном переводе или парафразах они повторяются и в русском переводе трактата Шопенгауэра).

³ Schopenhauer A. Saemtliche Werke. Bd. 1. S. 353.

⁴ Там же. Bd. 2. S. 705 и след., 711.

IV. “Леди Макбет...” Лескова и Шопенгауэр

Разумеется, изучение повести Лескова под углом зрения ее центрального мотива – экстенсивно возрастающего зла осуществлялось с учетом шекспировских ассоциаций ее сюжета. Однако многие исследователи считали эти ассоциации скорее второстепенными. Это мнение представляется вполне справедливым и мне, тем более что у Шекспира мотивировки преступления и сюжетный финал выстроены совершенно иначе, нежели в повести Лескова. Напротив, переключки лесковского текста с трактатом Шопенгауэра поразительно очевидны. Несомненные реминисценции из трактата Шопенгауэра о половой любви присутствуют как на микроуровнях текста повести – в отдельных речевых оборотах и выражениях, так и на его макроуровнях – прежде всего это утверждение имеет в виду сюжетно-действенное развитие повести, с его идеями, мотивировками и образами персонажей. Абстрактная философская рефлексия Шопенгауэра обретает свое воплощение в системе литературных образов Лескова. Я думаю, что в этом случае можно говорить не только о типологическом сближении, но и, по всей вероятности, о генетической преемственности: создавая свою повесть, Лесков опирался на текст Шопенгауэра. Я не могу подкрепить этот тезис несомненными доказательствами, но косвенные свидетельства в его пользу представляются очень весомыми. Кроме того, зачастую одного лишь предположения подобного рода оказывается достаточно для того, чтобы вывести исследование на перспективный путь; нужно только собрать необходимые аргументы. Посмотрим же, каковы эти косвенные свидетельства и необходимые аргументы.

1) Творческая история и публикация

Повесть Лескова написана и опубликована в течение нескольких месяцев, непосредственно вслед за публикацией русского перевода “Метафизики любви”. Оба текста увидели свет в Петербурге. Это хронологическое совпадение является принципиально важным фактором: повесть рождается именно в тот промежуток времени, когда интерес русского общества к Шопенгауэру почти целиком сосредоточен на “Метафизике любви”.

2) Пребывание Лескова в Париже

На рубеже 1862–1863 гг. Лесков провел несколько месяцев в Париже, где он, конечно же, мог ознакомиться с французским переводом “Метафизики половой любви” и другими публикациями, посвященными Шопенгауэру.

3) Тема и содержание повести

Почти все интерпретаторы повести активно оперируют следующими эпитетами: *стихийно, драматично, грубо-наглядно, жестоко, неумеренно, безудержно, резко, распутно, безумно, иррационально, убийственно, inferнально*. Вальтер Беньямин говорит о “необузданной похоти”¹. Главные действующие лица, по словам В. Сечкарева, обладают “характерами, одержимыми силами зла”². Бодо Зелински характеризует Катерину Измайлову следующим образом: “Leidenschaft ist bei ihr eine Naturgewalt, die keine Begraenzung durch sittliche Normen kennt. An die Stelle des Sittlichen tritt das Elementare und Animalische” (перевод: “Ее страсть – это природная стихия, не ведающая границ, установленных нравственной нормой. Вместо нравственности – стихийная сила и животное начало”)³. Феликс Филипп Ингольд замечает: “Die von animalischen Geschlechtlichkeit und Brutalitaet durchwirkte Liebesgeschichte gehoert zu den staerksten erotischen Texten der russischen Literatur ueberhaupt” (перевод: “Насквозь проникнутая животной сексуальностью и грубым насилием, эта любовная новелла является одним из эротичнейших произведений русской литературы вообще”)⁴. Лев Аннинский видит “тектонику магмы” в бездонной глубине и звериной жестокости повести⁵. Кристоф Фельдхус констатирует для персонажей повести “innere Fremdbestimmung”, “animalische Triebhaftigkeit”, “moralische Indifferenz” (перевод: “глубокую отчужденность”, “животный инстинкт” и “безразличие к морали”)⁶. И так далее, и тому подобное. Словарный состав исследовательских характеристик совершенно очевидно обнаруживает близость к терминологическому аппарату Шопенгауэра. Этими же самыми или близкими к ним словами Шопенгауэр описывает демонический потенциал половой любви. Подчерки-

¹ Benjamin W. Der Erzaehler. Betrachtungen zum Werk Nikolai Lesskows // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Hg. R. Tiedemann/H. Schweppenhaeuser. Frankfurt a.M., 1991. Bd. II/2. S. 460.

² G. von Wilpert (Hg.). Lexikon der Weltliteratur. Bd. 2 (Hauptwerke der Weltliteratur), 3., neubearb. Aufl., Stuttgart, 1993. S. 762. См. также: *Setschkareff V.* N.S. Leskov. Sein Leben und sein Werk. Wiesbaden, 1959. S. 66: “Die ganze Erzaehlung ist eine Mischung von gluehender Erotik und gewaltsamem Tod” (перевод: “Вся повесть – это смесь пламенной эротики и всецельной смерти”).

³ Zelinsky B. Leskow: Die Lady Macbeth aus dem Landkreis Mzensk // Die russische Novelle. Hg. B. Zelinsky. Duesseldorf, 1982. S. 109.

⁴ Ingold F. Ph. Russischer Eros: Frau und Sexualitaet in der Literatur des 19. Jahrhunderts // Annaeherungsversuche. Zur Geschichte und Aesthetik des Erotischen in der Literatur. Hg. H.A. Glaser. Bern; Stuttgart; Wien, 1993. S. 222.

⁵ Аннинский Л. Указ. соч. С. 91.

⁶ Veldhues Chr. Op. cit. S. 413.

вая физическую притягательность Сергея, силу инстинкта и смертоносную страсть Катерины, ее слепоту в отношении недостатков Сергея, спонтанный характер извержения эротической страсти, поправление нравственности в угоду животному влечению, веризм “коитальной музыки” Шостаковича или статику характеров героев на протяжении повествования, исследователи, подобно тому, как это делает Бодо Зелински, точно схватывают основные закономерности поэтики повести, но при этом, насколько мне известно, ни один из них ни слова не говорит о Шопенгауэре. Однако же именно эти основные сюжетно-тематические мотивы повести Лескова составляют суть концепции половой любви, созданной Артуром Шопенгауэром.

Из этого идейно-тематического комплекса я позволю себе выделить еще несколько более частных аспектов, которые, как мне кажется, заслуживают особенного внимания.

4) Преступник-жертва

Очень многие интерпретаторы повести Лескова стремятся, особенно в отношении “преступницы” Катерины, если не подвести под ее действия некую идеологически-легитимную базу, то до известной степени снять с нее вину¹. Но поскольку подобные оправдания решительно несовместимы с общепринятыми нормами права, морали и религии, они неизбежно выливаются в интерпретаторские увертки. На истинном пути вновь оказывается Бодо Зелински, который видит в Катерине одновременно преступника и жертву и убедительно подчеркивает амбивалентность ее душевных движений: “die Treibende zugleich auch die Getriebene ist” (перевод: “влекущая есть в то же время и влекомая”)². Именно эта неразделимость вины и невинности не только обуславливает трагическое звучание повести, но и полностью соответствует основополагающей идее естественного или родового влечения в концепции Шопенгауэра. Исследователь Шопенгауэ-

---

¹ Литературоведение советских времен охотно трактовало образ Катерины как героический: исследователи видели в ней воплощенный протест против социального и духовного угнетения, ее действия трактовались как бунт против патриархальной купеческой среды, а ее судьба – как неистребимая взаимосвязь капитала и преступления (см., напр.: *Видуэцкая И.П.* Лесков Н.С. // Русские писатели: Библиографический словарь: Под ред. П.А. Николаева. М., 1990. Т. 1. С. 418). Теми же идеологическими условиями продиктованы и острые выпады против монографии Хью Маклина о Лескове (1977). См.: Лесков и русская литература. М.: АН СССР, 1988. С. 24, 37 и след.

² *Zelinsky B.* Op. cit. S. 107, 109.

ра Рюдигер Сафрански утверждает, что под влиянием сил “безличной природы” (“ichlose Natur”) человек становится “объектом ее воздействия” (“Objekt ihres Treibens”), так что он впадает в “состояние пассивной влекомости” (“Passivitaet des Getriebenseins”)¹. Амбивалентность образа Катерины и мотивированность ее поступков непреодолимым характером ее страсти обретают органичное объяснение в учении Шопенгауэра. И речь здесь идет отнюдь не о мелодраматизме, как полагают некоторые жестоко заблуждающиеся исследователи², но именно об основополагающем трагизме с “оттенком возвышенного” (см. ранее)³.

5) Последовательность и нарастание событий. Побудительная причина: скука

Во второй и третьей главах повести нарушение супружеской верности происходит внезапно и стремительно, оно потрясает Катерину и увлекает ее как будто даже против ее воли⁴. Непосредственно вслед за этим преступный путь Катерины в убыстряющемся темпе ведет ее от простого отречения через отравление, убийство и удушение к удвоенной смерти в комбинации безумия, убийства и самоубийства. Этот финал градации, кульминацией которой становятся детоубийство и двойное убийство-самоубийство соперниц в любви, соответствует, так сказать, температурной кривой преступления на почве неудовлетворенного или угрожаемого стремления к наслаждению. Жуткие следствия такого положения вещей многократно описаны в трактате Шопенгауэра, и подобно всему тому, о чем идет речь в настоящей статье, эти описания присутствуют и в русском переводе, который, конечно же, вслед за Шопенгауэром, интерпретирует муки бешеной ревности как худшую из всех мыслимых пыток и представляет внезапный переход от любви к смертельной ненависти как ее неизбежный исход

¹ Safranski 1987. S. 206.

² О мнимой “мелодраматической составляющей” текста Лескова см.: Menzel B. Op. cit. Необходимо заметить, что уже Сечкарев подчеркивал полное отсутствие мелодраматизма в повести Лескова (*Setschkareff V. Op. cit. S. 67*).

³ В русском переводе “Метафизики половой любви” оборот Шопенгауэра “Anstrich des Erhabenen” (“оттенок возвышенного”) передан следующим образом: “признак величия страсти” (С. 58).

⁴ Уже в первой публикации появляется редкое наречие образа действий “мимовольно”: “Ох! ох! пусти, – тихо стонала Катерина Львовна, слабая под горячими поцелуями Сергея, а сама мимовольно так змейкою и прижималась к его могучей фигуре” (С. 45). Это сравнение со змеей в более поздних изданиях отсутствует.

(С. 51 и след., 58 и след.). Сознательное или бессознательное желание Катерины избавиться от своей скуки убыстряет развитие событий. Уже в первой публикации повести слово “скука” является самым частотным определением существования Катерины. Тем легче Сергею сыграть роль подстрекателя. Согласно Шопенгауэру, боль и скука являются главными врагами человеческого счастья. Наше бытие есть не что иное, как “мерцание” (“Oszillation”) между этими двумя полюсами. Однако мучение скуки проистекает из “внутренней пустоты” (“inneren Leerheit”), которая ищет себе компенсации в рассеянии и развлечении, но при этом чревата впадением в жалкое состояние, поскольку “<...> может довести до величайшего распутства” (“<...> zu den groessten Zuegellosigkeiten treiben kann”)¹. Особенно же подвержен скуке, по мнению Шопенгауэра, тот, кто живет в изобилии. У Лескова это положение выглядит следующим образом: “Скучною жизнью жилось Катерине Львовне в богатом свекровом доме” (С. 41). Скука Катерины имеет более экзистенциальное, нежели социальное происхождение.

6) Случай и перипетия

Решающая роль переломного момента в повести Лескова принадлежит случайности, и притом, по утверждению Бодо Зелински, случайности банальнейшей². Случайный порыв страсти, спровоцированный отсутствием мужа Катерины, делает возможным нарушение супружеской верности, случайно подсмотренное убийство племянника приводит к уголовному суду. В обоих случаях совесть, так называемый внутренний судья, не играет никакой значительной роли. Однако же именно “издевательская власть случая”, как мы имели возможность убедиться, является излюбленной темой Шопенгауэра.

7) Преодоление сословных барьеров

Катерина – жена зажиточного купца, а ее возлюбленный, Сергей, – простой амбарный приказчик. Шопенгауэр придерживается того мнения, что побудительный инстинкт родового желания с легкостью преодолевает сословное неравенство и развеивает соответствующие предрассудки как ветер соломѹ³. Именно это положение вещей мы видим в повести Лескова.

¹ *Schopenhauer A.* Saemtliche Werke. Bd. 1. S. 427 и след., Bd. 4. S. 392 и след., 418 и след. См. также: Bd. 5. S. 938 (s.v. Langeweile).

² *Zelinski B.* Op. cit. S. 105.

³ *Schopenhauer A.* Saemtliche Werke. Bd. 2. S. 708.

8) Статус объекта и пресыщение

Для Шопенгауэра несомненной истиной является то “<...> что смысл половой любви составляет отнюдь не взаимная любовь, но обладание, то есть, физическое наслаждение” (“<...> dass nicht etwan die Gegenliebe, sondern der Besitz, d.h. der physische Genuss das Wesentliche ist”). Однако после того, как объект становится предметом обладания, наступает странное разочарование, поскольку любая страсть угасает сразу же вслед за ее удовлетворением¹. И этот тематический мотив очевиден в повести Лескова. Взаимоотношения Катерины и Сергея описаны буквально как ситуация обладания, дающая право на объект, но имеющая тенденцию стать угрозой для обоих ее участников², и отвращение Сергея от Катерины, которому сопутствует увлечение другой женщиной, является выражением его физического охлаждения. Согласно Шопенгауэру, в половом удовлетворении один объект всегда может быть замещен другим, поскольку оно стремится лишь к наслаждению³. Продолжительное блаженство абсолютно исключено, и Катерина – вопреки своему значащему имени – обречена познать это на собственном горьком опыте.

9) Обесценивание детей

В теории половой любви Шопенгауэра дети не являются естественным плодом любовного счастья, они суть не более чем механический результат воли рода. С этой точки зрения понятно, почему Катерина относится к своему прижитому от Сергея ребенку как к помехе и, как это было уже отмечено в тексте первой публикации (гл. 13; ср. также конец гл. 12), “весьма равнодушно” отдает его на воспитание. Напротив, в тексте первой публикации отсутствует добавленное позже замечание: “Любовь ее к отцу, как любовь многих слишком страстных

¹ Там же. С. 684, 691, 704. Ср. в русском переводе: “Сущность любовных дел состоит не столько в достижении взаимности, сколько в обладании любимым предметом” (С. 14). Слово “обладание” неоднократно встречается и впоследствии.

² Ср. реплику Сергея в первой редакции: “Всем твоим белым телом како знаю, так орудую” (С. 50). Более поздний вариант гласит: “Всем твоим белым телом владею” (Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1998. Т. 5. С. 18.). Слово “орудовать” является однокоренным со словом “орудие” и напоминает о том, что женщина есть “орудие дьявола”. “Непомерные притязания и жажду обладания” (“excessive demands and possessiveness”), свойственные также и Катерине, отмечает Маклин (McLean H. Nikolai Lescov. The Man and His Art. Cambridge; Mass., 1997. P. 150).

³ Schopenhauer A. Saemtliche Werke. Bd. 2. S. 691, 704.

женщин, не переходила никакою своею частию на ребенка” (гл. 13). Отданный ребенок обречен на немедленное и совершенное забвение. Впрочем, Катерина холодно относилась к будущему ребенку уже и во время беременности.

10) Смерть как избавление?

По сравнению с первой редакцией особенно значительной переработке подверглась гл. 15, к которой Лесков сделал обширное дополнение (со ссылкой на книгу Иова). Показав свою героиню в состоянии безмерного унижения, охваченную бешеной, злобной ревностью, Лесков заставляет повествователя задуматься о том, как, собственно, может повести себя человек в таком невыразимо бедственном положении, и предлагает два варианта: чтобы заглушить свои муки, мученик может сделать попытку отпустить на волю всю свою зверскую энергию мщения, и тогда он станет окончательным воплощением зла (“становится зол сугубо”); или пред лицом ужаса он может пожелать себе небытия, то есть смерти в качестве спасения. Этот второй вариант исхода представляет собой вариацию на тему “отказа от воли к жизни” (“Verneinung des Willens zum Leben”), который, по мнению Шопенгауэра, является прямым путем избавления, и как раз о нем немецкий философ размышляет в заключительной части своего трактата о половой любви¹. Как представляется, в жутком финале своей повести Лесков объединяет эти варианты исхода: животную жажду убийства и самоистребительную страсть к самоубийству. Однако подобное толкование не лишено остаточной умозрительности.

11) Словесные мотивы

Текст Лескова демонстрирует бросающиеся в глаза буквальные лексические соответствия с текстом русского перевода “Метафизики половой любви”, о чем свидетельствует уже и многое из вышеизложенного. В качестве основания моего утверждения здесь можно указать лишь на некоторые случаи. Дословно или по смыслу между собой перекликаются целые семантические поля двух текстов: *драма любви, страшная драма, страшное дело, трагическое, страсть, пылкость, прилив желания, сердце кипит, как зверь, мимовольно, про-*

¹ Русский перевод передает выражение Шопенгауэра “Verneinung des Willens zum Leben” следующим образом: “уничтожение жизненного желания” (С. 69). Далее, как и в немецком оригинале, в русском переводе возникает мотив нирваны.

снующаяся натура, соблазн, обладание, несносная власть, высочайший восторг, удовольствие, страстное увлечение, ревность, измена, преступление, обезуметь, интрига и т. п. Еще более показательным фактом является то, что в обоих текстах возникает лексический мотив “Амура” (у Лескова “амуры”), а перифрастическое обозначение зла в русской “Метафизике любви” и в повести Лескова актуализирует лексему “демон” (соответственно: “злой <...> деспотический демон” и “демоны с цепи сорвались” в гл. 10). Шопенгауэр говорит о “симпатии крови” (“*Sympathie des Blutes*”), Лесков характеризует страсть Катерины: “Кровь ее кипела” (гл. 6). Далее, необходимо отметить, что описания внешности Сергея неизменно сопровождается эпитет “красивый”, а Шопенгауэр в своей “Метафизике...” исходит из того, что именно внешняя красота (“*Schoenheitssinn*”) является коррелятом полового влечения. Следует также упомянуть, что лейтмотивным в повести Лескова становится слово “зло” и все его производные (наряду со словами *худо и худой*): *зло, злоба, злодей, злиться, зол, злой смех* и т. д. Все эти лексические совпадения, безусловно, достойны более глубокого исследования; однако к ним необходимо относиться с известной осторожностью, поскольку лексикон описаний половой любви и понятийная структура драматизированного конфликта вообще имеют довольно стандартизированный состав.

12) Биографический контекст

Лесков неоднократно утверждал, что природой его творческой индивидуальности являются истина и анализ, что у него мало поэтического воображения и что ему лучше всего удаются характеры, с которыми он чувствует определенное сродство⁵⁵. В этой связи представляется вполне уместной отсылка к биографическим обстоятельствам и личностным свойствам Лескова, которые способны были бы объяснить его интерес к Шопенгауэру, хотя бы это были и чисто умозрительные соображения.

Молодой Лесков очень хорошо знал немецкий язык и немного французский, был начитан и даже, можно сказать, имел страсть к чтению. Современники описывают его как человека в высшей степени эмоционального, способного к интенсивным переживаниям, в том числе и эротическим. Его отношения с *Aphrodite pandemos* весьма насыщены – в диапазоне от киевской казачки и петербургской про-

¹ Ср.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы... / Под. ред. Н.К. Пиксанова, О.В. Цеховицера. М.; Л., 1940. С. 344 и след.

ститутки до парижской гризетки из Латинского квартала. Кроме того, его опыт супружеской жизни изобиловал и страданиями, и страстью – именно в 1864 г., когда в его жизни появилась новая женщина, этот опыт вновь актуализировался. В эти годы Лесков говорит об “Амуре проклятом”, который терзает людей, и для обозначения своих переживаний использует немецкое слово “Liebesfieber”¹. Благодаря своей более ранней деятельности в уголовном суде он хорошо знал бездны преступной психики (о которых идет речь и в романе “Некуда” – см. главу “Что на русской земле бывает”), а Шопенгауэр в своем трактате указывает на судебные протоколы как на особенно убедительное доказательство своей теории². Можно предположить также и то, что Лесков, создавая свой роман “Некуда” (опубликован в 1864 г.), мог иметь в виду нападки русских левых (нигилистов) на философию Шопенгауэра. Свойственный Шопенгауэру критицизм в восприятии современности, его неверие в исторический прогресс, его отрицание вульгарно-материалистических и революционных теорий и враждебное отношение к толпе, безусловно, могли привлечь внимание Лескова. Однако и этот аспект, насколько я могу судить, до сих пор является совершенно непроясненным.

В октябре 1893 г. Лесков пишет Толстому, что второй том главного труда Шопенгауэра “Мир как воля и представление” кажется ему гораздо интереснее первого, а главы об отказе от воли к жизни “<...> просто упоительны по своей силе, глубине, ясности и неотразимой серьезности”³ (имеются в виду гл. 46–48; в главе 44 изложено учение о половой любви). Поскольку многие архивные материалы письменного наследия Лескова остаются неопубликованными, а письма частично утеряны, интерес Лескова к Шопенгауэру до сих пор не может быть основательно документирован⁴. Тем более сложным представ-

¹ Ср.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 107 и след.

² Schopenhauer A. Saemtliche Werke. Bd. 2. S. 680 (в русском переводе – с. 4).

³ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 3. С. 383.

⁴ В более позднем рассказе Лескова “Пумперлей” прямо упомянут Шопенгауэр и его теория “половой любви”, равно как и “тений рода”, ср.: Незданный Лесков. Кн. 1 (Сер. “Литературное наследство”, т. 101). М., 1997 С. 544, 574. В публицистике Лескова имя Шопенгауэра также периодически упоминается: см.: Там же. Кн. 2. М., 2000. С. 89–104. См. также: Muller de Morogues I. L’oeuvre journalistique et littéraire de N.S. Leskov. Bibliographie. Bern; Frankfurt a. M., 1984 (Slavica Helvetica, Bd. 23), указатель имен и Muller de Morogues I. “Le problème féminin” et les portraits de femmes dans l’oeuvre de Nikolaj Leskov. Bern; Berlin; Frankfurt a. M., 1991 (Slavica Helvetica, Bd. 38). По мнению Лескова, Шопенгауэр, наряду с Сократом, Платоном, Сенекой, Христом, Оригеном и Толстым, принадлежит к числу “очень дальновзорких людей” (письмо к Суворину от 12.04.1888).

ляется вопрос неявной рецепции. Во многих старых изданиях Лескова советского периода отсутствуют именно те письма, которыми документирован интерес Лескова к философии Шопенгауэра. Однако тот факт, что с начала 1860-х гг. Шопенгауэр хорошо известен в России, в любом случае неоспорим. О. Лебедева и А. Янушкевич совершенно правы, утверждая, что духовную жизнь России невозможно представить себе “<...> без наследия немецкой классической философии, имен Фейербаха, Шопенгауэра, Ницше”¹.

V. Заключение

С самого начала творческой деятельности Лесков подчеркивал стремление придерживаться правды жизни в видении ее глубинных психолого-антропологических аспектов. И в этом он вполне согласуется и с Толстым, и с Шопенгауэром. Что же касается Толстого, то он не терял интереса к философии Шопенгауэра на протяжении десятилетий. Предисловие к русскому переводу трактата о половой любви характеризует немецкого философа как писателя, который “<...> никогда не страшитесь говорить о деле прямо, без всяких обходов” и высказывает много “<...> смелых, оригинальных, простых, но вместе с тем еще мало осознанных истин”. Несмотря на некоторую толику “желчного пессимизма”, он завоевал всемирное признание и славу (С. IV). И если вплоть до настоящего момента буквально все исследователи повести “Леди Макбет Мценского уезда” говорят о ее доходящем до степени грубости натурализме, который обеспечивает ей особенное положение в письменном наследии Лескова, то это утверждение хорошо согласуется с аналогичной, единственной в своем роде, откровенностью некоторых тезисов Шопенгауэра. Двенадцать пунктов сближения Лескова с Шопенгауэром, о которых шла речь в статье, могут не обладать достаточной силой убедительности – если рассматривать каждый из них в отдельности; однако все вместе они являются чем-то большим, нежели простая механическая сумма фактов, в них изложенных. Где та критическая точка, за которой нарастание числа соответствий и перекличек перестает быть случайностью и переходит в закономерность? Было бы в высшей степени интересно рассмотреть изначально угрюмый и неприкрашенный мирообраз Лескова на фоне шопенгауэровской философии обессилевшего разума и утраченной первобытной веры (“*Philosophie der Vernunftohnmacht und des verlorenen Urvertrauens*”), тем более что первые шаги становления

¹ Лебедева О., Янушкевич А. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. Koeln; Weimar; Wien, 2000. С. 7.

русского писателя хронологически точно совпали с началом победного шествия философии Шопенгауэра. Вальтер Беньямин пишет о Лескове: “Удивительно, каким мрачным и страшным представляется мир этому писателю, с каким величием зло может вознестись в этом мире свой скипетр”¹. Почти то же самое говорит о Шопенгауэре Рюдигер Сафрански: “Мир воли и мир зла для Шопенгауэра практически неотличимы друг от друга”. Разум изначально и безусловно подчинен воле, в результате чего “<...> зло становится всеобщим”². Шопенгауэр и Лесков равно убеждены: бытие определяет сознание, но не в том социологическом смысле, который вкладывал в этот тезис Карл Маркс. Для Лескова и Шопенгауэра эта формула наполнена представлением о смутном плотском влечении человеческого тела³. Это раг excellence экзистенциальное предрасположение, и Лесков развивает свою идею, без сомнения, независимо от Шопенгауэра. Речь идет, как это довольно часто бывает, о комбинированном эффекте одновременных рецепции и антиципации. Во всяком случае, многократно цитированное утверждение Горького о том, что Лесков якобы абсолютно “чужд влияний со стороны”⁴, представляется сильно преувеличенным. Чем значительнее автор, тем больше существует “ключей” к его творчеству. Нужно только искать и испытывать их.

¹ Benjamin W. Op. cit. S. 462.

² Safranski 1997, S. 80 и след., 98.

³ См. об этом: Safranski 1987, S. 509 и след.

⁴ Цит. по: Пустовойт П.Г. Созвездие неповторимых: Мастерство русских классиков. М., 1997. С. 64.